

EDN: ANLSAF

ПОЗАДИ – ГОД НАПРАСНЫХ ОЖИДАНИЙ, ВПЕРЕДИ – ГОД НАДЕЖД И НЕОТЛОЖНЫХ ДЕЛ

Завершился первый год тотальной санкционной войны коалиции западных стран против России, в т. ч. и против российской науки. Российскую науку бесцеремонно вытесняют из глобальной мировой науки как что-то имеющее пренебрежимо малое значение. В докладе по итогам совместного исследования Clarivate Analytics, Harvard Kennedy School и Policy Institute, King's College London (июль 2022 г.) говорится, что исключение России из глобальной науки практически не повлияло бы на глобальную науку и особенно на лидирующие страны Запада, поскольку «российская научная система слаба, деградирует и всё больше будет подвергаться маргинализации» (Мжельский А. А. Маргинализация российской науки. Что ожидать российским издательствам и авторам // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 3. С. 35–43. DOI 10.19181/smtp.2022.4.3.3. EDN ATIUDB).

Российская наука после тридцати постсоветских лет из-за беспомощной научной политики попала в тотальную зависимость от западной науки и действительно оказалась уязвимой. Как замечает М. Ф. Черныш, «российские научные учреждения, российская наука в целом, ослабленные провальными реформами, находятся в экономической (оборудование, реактивы), информационной (журналы и другие научные публикации) и символической («назначение» научных статусов) зависимости от науки в странах Запада» (Черныш М. Ф. О текущей ситуации и возможных её последствиях // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 15–26. DOI 10.19181/smtp.2022.4.2.1. EDN QJGENA). Колоссальный ущерб российской науке нанесён научной политикой, проводимой с 2012 года, поставившей с помощью отчётности финансирование научных исследований в зависимость от «справок» из WoS и Scopus. «Если стране нужна наука...», – замечает В. А. Шупер, – то российскому руководству следует «...относиться с уважением и доверием к своим учёным, ставить перед ними масштабные задачи и взыскательно, но справедливо спрашивать о решении этих задач. Требование доказывать свою научную состоятельность предъявлением справок из-за границы несовместимо с таким подходом» (Шупер В. А. Севший

голос науки. Взгляд из Отечества // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 1. С. 40–53. DOI 10.19181/sntp.2020.2.1.2. EDN GGYOVW). Весь 2022 год российское научное сообщество надеялось на качественный пересмотр государственной научно-технологической, инновационной и экономической политики, соразмерное характеру, глубине и масштабу проблем.

В 2021–2022 гг. появились многочисленные заслуживающие внимания предложения и даже системно проработанные документы по кардинальному изменению экономической, инновационной и научно-технологической политики. В числе таких документов необходимо назвать прежде всего подготовленную в 2021 г. большим коллективом авторов под руководством А. Г. Аганбегяна «Концепцию преодоления стагнации и перехода России к устойчивому социально-экономическому росту» (распространяется через рассылку), а также монографию, опубликованную в 2022 г. коллективом авторов под руководством Д. Р. Белоусова и И. Э. Фролова (О долгосрочном научно-технологическом развитии России: монография / Под ред. Д. Р. Белоусова и И. Э. Фролова. М.: Динамик принт, 2022. 168 с. (серия: Научный доклад ИМП РАН). ISBN 978-5-00204-539-6. ISSN 2712-9209. DOI: 10.47711/sr3-2022), учитывающую не только негативный опыт прошлого десятилетия, но и фактор санкций.

Сделано ли в 2022 году что-нибудь существенное в практической политике не для выживания, а для развития науки? По большому счёту – нет, для развития год потерян. Даже отдельные фрагментарные коррективы в государственную политику вносились с большим опозданием и замедленно. Почти год потребовался для утверждения «Белого списка» научных журналов и принятия решения о преобразования РФФИ в РЦНИ в целях создания цифровой платформы для российских научных журналов. А ведь все труды по составлению «Белого списка» состояли в том, что к уже существующей базе данных научных журналов, входящих в международные наукометрические базы данных WoS и Scopus (из которых нас попросили сразу после начала специальной военной операции), добавили уже существующую базу данных журналов RSCI. Сумму этих слагаемых назвали «Белым списком» и привязали к нему ранее действовавшие показатели публикационной активности, по которым отныне научным организациям и исследователям надлежит отчитываться, а следовательно, и получать финансирование. При этом сохранились все изъяны прежней системы учёта результатов публикационной активности и сохранилась вся прежняя система ориентации российской науки на производство отчётных показателей, а не на производство реального продукта – знаний, компетенций и технологий.

Существенным недостатком прежней тотальной привязки показателей публикационной активности к WoS и Scopus является ошибочное восприятие именно и только этих двух МНБД как универсально значимых для всех областей науки. В действительности в западной науке всегда учитывались и многие другие, более специализированные базы данных, без которых невозможно объективно оценить многие научные дисциплины и научные направления. Так, для математики важны American Mathematical Society – MathSciNet (AMS) и zbMATH Open (zbMATH), для компьютерных

и информационных технологий – Penn State College of Information Sciences and Technology (CiteSeerX), для астрофизики – SAO/NASA Astrophysics Data System (ADS), для наук о Земле – GeoRef Preview Database (GeoRef), для химии это Chemical Abstracts (CAS), для биологии и медицины – PubMed Central (PMC), для собственно медицины – MEDical Literature Analysis and Retrieval System (MedLine), для сельскохозяйственной науки и техники – Food and Agriculture Organization of the United Nations (AGRIS), по психологии – PsyArXiv (у которой, кстати, есть аналог – российская PsyJournals) и т. д. Всем понятно, что Нобелевская премия не может быть использована для оценки успехов математики, т. к. такая премия для математики не предусмотрена. Поэтому для математики существует Филдсовская премия. Но эта простая мысль применительно к наукометрическим базам данных почему-то даётся с большим трудом. Этот недостаток сохранён и в «Белой книге», т. к. из всех МНБД в него включены только все те же две, что и в досанкционный период.

Ещё одним существенным недостатком прежней оценки публикационной активности с привлечением наукометрии является её однобокая ориентация только на зарубежные базы данных. В «Белом списке» это частично исправлено благодаря включению в него сравнительно небольшой и очень непублично сформированной российской RSCI. Это решение даёт некоторую, возможно, иллюзорную, надежду на то, что российские наукометрические базы данных, ранее отодвинутые на периферию, окажутся востребованными и начнут ускоренно развиваться, а наиболее мощные из них (РИНЦ и Перечень ВАК) в перспективе разовьются до статуса международных. Для развития российских наукометрических баз данных потеряно уже целое десятилетие, т. к. начиная с 2012 г. вес публикаций в двух МНБД стал значительно выше, чем в журналах ВАК и РИНЦ. К сожалению, «Белый список» изменил положение дел только в части RSCI. Публикации во всех других журналах ВАК и РИНЦ по-прежнему оцениваются в разы ниже, чем в WoS и Scopus. Понятно, что не все журналы, включённые в Перечень ВАК и в РИНЦ, могут быть приравнены к журналам из наиболее авторитетных МНБД, но «Белый список» всё же является слишком половинчатым шагом. К тому же «Белый список» совершенно не замечает проблемы крайне опасных для науки «хищных» журналов, хотя они замечены исследователями и в составе самых авторитетных наукометрических баз данных.

Но ещё более значимым недостатком прежней системы наукометрической оценки научной результативности и эффективности, не решённой «Белым списком», является сведение критериев оценки научных результатов к формальным показателям публикационной активности. А без изменения системы оценки, отчётности и финансирования научных исследований реальные проблемы российской науки и проблемы практического освоения её результатов как были, так и остаются. Не было и нет механизма ориентации науки на генерирование открытий и изделий, а не на производство отчётных показателей. Не было и нет механизма реального подключения науки к технологической модернизации существующих и к созданию новых высокотехнологичных производств. Не было и нет встроенности российской науки

в так и недосозданную национальную инновационную систему. Даже в такой исторически драматичный год, как 2022, научная политика не претерпела необходимых изменений, и вся серьёзная работа снова только ещё предстоит.

В научном сообществе при всём разном мнении по конкретным вопросам есть общее понимание характера проблем российской науки и возможных способов их решения. Принципиально неясно только, есть ли в стране ответственные силы, готовые и способные взяться за решение всего комплекса взаимосвязанных проблем самой науки, образования и инноваций. Без укоренения в обществе востребованности науки и без восстановления механизма воспроизводства человеческих ресурсов для сферы исследований и разработок наука обречена влачить существование всё ещё блестящей, но постепенно тускнеющей бесполезности, используемой государством для имитации своего величия.

Необходим кардинальный пересмотр проводимой в последнее десятилетие политики, подчиняющей научное производство целям фабрикации отчётных показателей, превращающей научный процесс в имитацию, подменяющей реальное дело показухой. Роль показателей в управлении наукой в настоящий момент является ярким показателем уровня утвердившейся в науке бюрократической показухи. Без качественного изменения научной политики российская наука действительно будет, как это спрогнозировано/спланировано Clarivate Analytics, слабеть, деградировать и маргинализироваться. Открытия и изделия не заменишь «видимостью» и «цитируемостью». Один критически важный год уже потерян. Продолжение этой инерции в 2023 году недопустимо.

Е. В. Семёнов